

Я перевернулся на спину. Член гордо закачался, как мачта. Варвара уставилась на него. Потом отбросила веник и, перекинув через меня ногу, взялась за член, направила его в себя и мягко на него опустилась. Её щелка плотно обхватила член по всей длине. Как будто она и не рожала. — Извини, не смогла удержаться. Впервые за столько лет почувствовала в себе член. Господи, как же это приятно, — промурлыкала она, плавно покачиваясь на хюю. — Варь, что то до меня не дошло. А Паша что же? — спросил её, поддавая снизу. — Ничего плохого в отношении его не могу сказать, — с закрытыми глазами ответила Варвара, нанизываясь не спеша на член, — в молодости он меня за один заход доводил раз 10 до оргазма. А сейчас его заколебал простатит. Поэтому увы, он не в состоянии даже раз довести меня. Хотя ты гораздо старше его и похоже не страдаешь от этого. — Еще бы страдать, когда ты такая тугая. Вроде и не рожала.

— Конечно не рожала. — ? — Разве забыл, как судачили по деревне? Мне же кесарево делали. (и только сейчас я заметил у нее на животе большой светлый шрам). Кости таза не разошлись, — она резко увеличила скорость и вдруг замерла, нанизавшись на член до предела. Сильные конвульсии начали сотрясать её тело, а влагалище пыталось меня сдоить. Но сдоить никак бы не получилось. Очень сильно отвлекала высокая температура в баньке. — Варь, что то ты быстро. Но в любом случае я не выну и не отпущу тебя дорогая, пока сам не кончу. — Вася, только не в меня. Хм. Дорогая? Вроде бы мелочь, а приятно, — Варвара снова насаживала себя на член. — Не обращай внимания. — А мне понравилось. Я поднялся, придерживая её под попку. — Забудь. Миленькая, сейчас перенесу в душевую. Там получше будет.

— Давно меня миленькой никто не называл. Да брось ты меня. Подорвёшься, таская такую корову, — возразила Варвара, но все равно обвила меня своими руками и, прильнув, с нежностью положила свою головку на моё плечо. Странно. Пока переходил с парилки в душевую, поддерживая Варвару под попку, член двигался внутри ее в такт ходьбе. Кажется ничего необычного. Неоднократно такое бывало. Но сердечко почему то стучало, как у пойманного воробья. Не от веса. От парилки? Тоже нет. Я не мог понять, что со мной творится и от этого делалось очень тревожно и в то же время почему то офигенно приятно. Приятно, что эта красивая женщина с такой нежностью прижалась ко мне. А ее напряженные соски терлись об мою грудь в такт ходьбе. Но даже самое сильное возбуждение не могло заставить трепыхаться так моё сердечко так, как оно сейчас отбивало барабанную дробь. Василь Васильевич! Неужели ты втюрился на старости? Вот дурак старый! Да и не мог я просто так взять и влюбиться. Что я баб никогда не ебал? Очень много их побывало у меня на хюю. И молодых, и пожилых. И красивых, и не очень. Многие из них прижимались более страстно и возбуждающе, но никогда мое сердечко не трепыхалось, как у впервые поцеловавшегося подростка. Эх, Вася, Вася! Это наверно уже старость.

Перейдя в душевую, сел на табуретку, а Варвара подняла ножки, сцепила их у меня за спиной и начала размеренные движения тазом, нанизываясь на мою мачту. Кайфово. Я даже глаза от удовольствия закрыл. Ножки Вари сцеплены у меня за спиной, ручками обвила шею, соски довольно больших грудей скользили по моей груди, член размеренно двигался во влажном и плотном влагалище. И вдруг я вздрогнул, как от укуса пчелы. Варя легонько поцеловала в губы. Не сильным и страстным поцелуем. А просто коснулась своими полненькими и

горячими губками моих. Но это оказалось настолько приятно и возбуждающее, что меня как током пронзило. Господи, ну что я как мальчишка!

Я положил руки на её попку и начал подталкивать, увеличивая темп. Несколько десятков таких резких движений и Варвара затрепетала, со стоном наслаждения крепко прижалась ко мне. Член сжало, как тисками. Через некоторое время Варя продолжила движения. — Васенька, пожалуйста, предупреди, когда будешь кончать. Не кончай в меня, — она снова нежно поцеловала. — Хорошо, Варенька, обязательно. Еще несколько сильных оргазмов накрывало эту прекрасную женщину, прежде чем я почувствовал тоже приближение развязки. — Оссторожно... сейчас... Варвара мгновенно слетела с моих колен и присев, захватила ротиком головку члена, а обоими ручками ухватилась за член. Сразу же её язычок запорхал по головке. Она с вожделением снизу смотрела на меня широко открытыми глазами. В порыве страсти я попытался пригнуть ее голову, чтобы засадить в самое горло. Но ствол был обхвачен ее кулачками и глубже никак не получалось вонзиться. Я зарычал, меня начало выкручивать, а сперма брызнула в её ротик. Только потом до меня дошло, зачем она обхватила член ручками (чтобы не задохнуться, если начну кончать и попробую всунуть на всю длину). Варя добросовестно все проглотила, и с удивлением облизывала головку.

— Что то мне не доходит. Вася, ты же кончил. Почему он продолжает стоять? — Извини солнышко. Бывает у меня такое. — Эээх, сгорела хата, гори и сарай! Точно чем то напоила эта ведьма. Для меня вроде бы более чем достаточно, но я, как шлюха, хочу еще, очень хочу. Вась, говорила тебе Нюрка, чтобы отодрал меня? Выполняй! Она быстро поднялась, повернулась ко мне спиной и, широко расставив ножки, стрельнув завлекающе своими голубыми похожими на озёра глазами, наклонилась, уперевшись локтями в соседнюю табуретку. От такого вида и у мертвого поднимется. У Настёны великолепная фигурка, но здесь намного прекраснее. Точёные ножки с мокрым пухленьким пирожком между ними заканчивались (или начинались) крупной упругой попочкой. Узенькая, как у девочки талия. Шапочка, под которую Варя прятала волосы в парилке, куда то запропастилась. И пышные русые волосы рассыпались по бархатной коже спины. Из под рук молочной белизной отливали крупные груди.

Мой член мгновенно вонзился в эту похотливо подставленную щель. Взявшись за талию, сразу же в бешенном темпе начал вгонять член. Боже, что только Варя не вытворяла. Сильно толкала меня. Прогибалась, насаживаясь до предела. Крутила своей попочкой непонятно как. То по кругу, то по сторонам, то вверх-вниз. Мой хуй в её пиздёнке наверное пятый угол искал (хотя там было мягко, горячо и сыро, и ни о каких углах и речи быть не могло). Когда Варя со стоном кончала, то я сильно прижимал ее к себе. И она трепыхалась в воздухе, нанизанная на член. Как только отходила от оргазма, опускала ножки, и снова продолжался этот несравненный танец любви.

— Варенька... сейчас... Она опрометью развернулась, присев, нежно и преданно смотря мне прямо в глаза, заглотила головку. Через несколько секунд она глотала еще одну порцию спермы. После этого без сил начала опускаться на пол. Я подхватил её и прижал к себе. — Васенька, меня ноги не держат, дрожат и подгибаются. Даже руки дрожат. — Все нормально, Варенька. Ты прелесть, — нежные, ласковые слова сами невольно срывались с моих губ. — Нет, я блядь конченная. Совратила чужого мужика, сама просила оттрахать меня. Так могут только шалавы поступать. Хотя я до сегодняшнего дня никому кроме Паши не разрешала не то что всунуть, но даже за сиську полапать не позволяла, — на глазах у нее выступили

слезинки.

— Ну что ты такое говоришь? Ты хорошая. Не терзай себя, — я начал слизывать её слёзки. — Вася, не надо, — она отстранилась от меня, — без Нюрки здесь не обошлось. — А мне очень понравилось и я не против еще когда нибудь повторить. И не раз. Варвара оттолкнула меня от себя. — И не мечтай. Это было под влиянием Нюркиных микстур. Было первый и последний раз! — Тебе не понравилось? — Дурак ты, Вась Вась. Отрицать, что не понравилось никак не могу. Сам видел. И тем более, что сама же просила отодрать. Но без той ведьмы я бы тебе ни за что не дала, хоть и хотелось бы до осточертения. А здесь вроде бы всё, секса на мой взгляд перебор, а хочется снова и снова.

— Если ты только на Нюрку всё списываешь, давай завтра без её пойла пошалим. — Вась, только не надо пытаться меня обхитрить, чтобы еще раз трахнуть. Я и так места себе не нахожу. Ёмаё, снова хочу. Но на этот раз вытерплю и не дам больше. — Ну это твое личное дело. Настаивать нельзя. Но раз ты отказываешься завтра проверить без Нюрки, значит она здесь ни при чём. — Хорошо, завтра проверим, но больше чтобы и вида не подавал, что между нами что то было. Тебе то пофиг, а меня подставишь. — Ну что ты, солнышко. Я не трепло. Это обо мне треплются. Но ведь бабы. У вас же язык, как помело. — Ты обо всех одинаково не суди. И вообще, если ты чем то недоволен, то я быстро аннулирую договор на завтра. — Варенька, милая, молчу, молчу. Все так же продолжая беззлобно препираться, Варвара уже стояла под душем. — Я уже. Смытай свои грешки, — она набрала в ладонки воды, игриво хлюпнула в меня и сразу же, как подросток, отскочила в сторону. Одевшись после душа, мы вдвоем зашли в дом. Девчонки спали как убитые, даже не ворочаясь. Как их Нюрка оставила, так они и спали на животах, не сдвинувшись ни на сантиметр. Варвара даже наклонялась к каждой, проверяя их дыхание. — Мистика. — Да, баба Нюра своё дело знает. Ведьма настоящая. — Ну, всё Вась, я пошла. — Куда ты в такую темень в туфельках и по грязи? Я сейчас довезу тебя домой. — На Орлике? — Можно и на нем. Но тогда я не гарантирую неприкосновенности для тебя. — ? — Мы будем скакать на лошади, а ты на моем хую. — Грубиян. Но если честно, то и я наверно не смогла бы вытерпеть и сама насадилась. Так что если хочешь благополучно проводить даму домой, то заводи двигатель жульки.

Подъехал точно к калитке возле её дома. Постарался остановиться так, чтобы Варе не пришлось идти по грязи. — Вот вы и дома, мадам. Варенька, не забывай о своем обещании. С нетерпением буду завтра ждать тебя в гости. — Не бойся, не забуду. Я вообще не могу понять, что со мной творится. Если бы сейчас стояли не возле моего дома, то я бы тебя точно изнасиловала. — Так в чём проблема? Давай отъедем и насилуй. — Нет, нет, нет. Не надо. До завтра, — она потянулась ко мне, чтобы поцеловать на прощанье. Я резко отклонился. — Варь! Ты что? Спались! — Ой! Вот дура! — Лучше поцелуешь меня завтра в десятикратном размере. — Хорошо, буду должна, — прошептала Варвара. Она вылезла из машины и прежде чем захлопнуть дверцу, крикнула: — Спасибо за доставку! Завтра я приду, проверю, как там девчонки, — захлопнув дверцу, она не спеша направилась к калитке. А я поехал домой.

Девчонки все так же безмятежно спали, да и мне надо бы отдохнуть. Завел будильник и лег. Но еще долго ворочался, перебирая в памяти сегодняшние стрессовые события. Ненавистный звук будильника настигает всегда в тот момент, когда сильнее всего хочется спать. С огромным трудом, даже не открывая глаз, сел на кровати. На ощупь выключил будильник и включил торшер. Так и сидел, не в силах открыть глаза. Но когда открыл глаза, то офигел. В дверях стояла голая Снежана. Глаза закрыты и она точно в таком же состоянии, как и я. Как

иногда говорят: поднять подняли, а разбудить забыли. Её вероятно поднял звук будильника и она, как на автопилоте, по привычке поднялась. Сидел, смотрел на неё, не понимая снится мне это или наяву. Наконец Снежана открыла глаза.

— Куда спрятали мою одежду? — Снежан, никто её не прятал. Висит, сохнет под навесом. Наверно уже высохла полностью. Она молча повернулась и уже сделала шаг. — Стой! Иди ка сюда. Так же молча подошла. — Ну ка, повернишь. Я не поверил своим глазам. Темных пятен на ее теле было намного меньше чем вчера. Да и те, что были, стали зеленоватого цвета (как будто прошло уже несколько дней). Я надавил на одно из таких пятен на спине Снежаны. Она даже не вздрогнула. — Больно? — Нет. — А здесь?, — я надавил на зеленое пятно на плече. — Васильич, что за фигня? Что ты проверяешь?

— Да ты вчера была вся побита градом, как оспой. А сегодня и половины нет этих следов, и не болит ничего? — Ничего. Только какая то вялость, как будто заболела, — Снежана присела рядом со мной. — Расскажи, что случилось во время ливня. — Да вроде бы ничего необычного. Когда увидела градовую тучу, поняла, что надо срочно стадо гнать в деревню. Но коровы, как взбесились. Не слушались, отбивались от стада. Бегала за ними, как гончая. Ну и естественно до дождя не успела не то что до деревни, а до ближайшего места, где скотине можно было хоть от пронизывающего ветра укрыться. Я хотела их загнать хотя бы в посадку. Тем более видела, что вдали люди с деревни спешили к стаду. Оставалось каких то 200м до посадки, как телка Матвеевны отбилась и по оврагу побежала к одинокому клену. Я за ней. Уже почти догнала, и тут начался град. Я голову прикрыла руками, а дальше ничего не помню. Только отдельные моменты. Помню, как сидела под дождём, закутанная в чай то дождевик. При этом всё болело, как будто меня целый день палками колотили.утра погнала коров. — Ты в своём уме?!! Ей еще пару дней нельзя вставать, а ты её выгнал на работу. — Успокойся! Не кипиши. Я не такой дурак, как ты считаешь. Снежана абсолютно здорова. И даже гематомы стали застарелыми. — Что б ты еще понимал в медицине! Такого не может быть! Ты её специально отправил! — Да перестань ты орать как истеричка! Знаю, что не может быть. Но я сам убедился, что больше половины следов вообще исчезли, а остальные позеленели. — Что ты мне сказки рассказываешь? Если то, что она поднялась, можно списать на её молодость и великолепное здоровье, то гематомы так быстро не исчезают и не стареют. Они лишь через несколько дней зеленеют. — Я тебе клянусь!!! Это Нюрка что то наколдовала. — Ладно, извини. Но все равно проверю. Хотя Снежана даже спала как вполне здоровый человек, когда я перед уходом прослушивала. Хотелось бы верить, что все нормально. Ну что ж тогда не смею задерживаться. Я пошла. — Куда?! Варь, а как же твоё обещание? Или ты, как и все женщины, лишь бы пообещать, а там можно и нарушить? — Вась, ну как то неудобно что ли. — Солнышко, я тоже чувствую себя, как не в своей тарелке. Давай по рюмашечке. Побеседуем, я не предлагаю устраивать пьянку. Просто по рюмочке. Для храбрости. — Ох, ты ж и хитрый, как лис. Хотя ты не лис, а кобель похотливый. Но от таких новостей, что сейчас услышала, разве что сто грамм поможет. Не укладывается в голове.

Пока Варвара что то говорила, я бросился по быстрому собрать на стол и само собой поставил бытылочку самогоночки с возбудителем. Выпили по стопочке, больше Варвара пить отказалась. Посидели. Поговорили о том, о сём. Вскоре почувствовал, как член начинает подыматься. Варвара поднялась из за стола. — Ну, всё. Я пошла. — Варенька, а ты мне кое что должна. — Ничего я тебе не должна. — А кто вчера в машине обещал? — Поцелуй? Ну, это можно, — она потянулась, чтобы поцеловать, а я её обхватил за талию и крепко прижал к

себе. Её грудь расплющилась об мою и твердые как камешки, возбужденные сосочки иголочками укололи меня. — Варенька, ну что ты как девочка. Давай немного побалуемся. Ты же хочешь. — Вот кобель похотливый! Да если бы я вчера сдуру не пообещала, то ничего бы и не было. Обожди секундочку. Пусти.

Варвара приподняла подол платья, стянула его через голову, положила на стул. Сняла трусики, бережно положив их на платье. Щелкнула застежка лифчика, а я стоял без движения с отвисшей челюстью и бешеным стояком в штанах и любовался её офигенной фигуркой. — Чего стоишь, как истукан? Я перед тобой голая, а ты в ста одёжках. — Варварушка, солнышко, миленькая, да я любуюсь тобой. Ты прекрасна и очаровательна, как нимфа, — и начал как по тревоге сбрасывать с себя одежду. — Ага, любуется он. Вроде ты меня вчера голой не видел. — Ну то было вчера. А сегодня ты еще прекраснее. — Ох ты ж и льстец, — она подошла и поцеловала меня коротким нежным поцелуем.

Я подхватил ее под попочку и почти бегом в спальню. Опрокинул на кровать, она взялась за член и направила его в свое лоно. Там уже был настоящий потоп. Я с жадностью вонзал своего бойца в ее жаркую пещерку, не забывая при этом ласкать ее сосочки и целоваться. А Варя, скрестив свои ножки у меня на спине, яростно била пятками, насаживаясь на член. Через несколько минут её накрыл такой мощный оргазм, что она даже разорвала поцелуй и закричала. А её тело в конвульсиях подбрасывало собой мой не маленький вес. — Господи! Василь, что же это со мной творится? Такого сильного и яркого оргазма я еще не испытывала. Это невероятное блаженство! — и она, опустив ножки начала неистово подмахивать. Потом задрала ножки как можно выше и, сложившись пополам, обхватила ими меня за шею.

Я продолжил вонзаться в очень высоком темпе, при этом чувствовал, что при полном погружении головка достаёт до самого дна этого колодца сладострастия. А Варя, как Уж извивалась подо мной. Такая активность Вари сделала то, что никому не удавалось до этого момента. Я начал кончать. Слишком быстро кончать. Попытался выдернуть член, но Варя схватила меня за задницу и со всей силы прижала. — Варь, ты что делаешь? Я же кончаю! — Кончай, Васенька, ох. Кончай. — Блин, ты же залетишь! — А это уже моя забота, — мощная струя спермы ринулась вглубь Вариного влагалища. — Вась, давай полежим немножко. Потом можно будет продолжить.

Не вынимая, завалился на сторону, повернул Варвару на бок и обнял, прижав к себе. Удалось улечься на бок, не вынимая члена. Варя, согнула ножки, прижавшись ко мне попочкой. Она никак не могла успокоить свое дыхание. Я же перестал прижимать её к себе и начал гладить ее по пышным, красивым волосам, пахнущих до одурения жасмином и щекотавшим мне нос. Гладил по руке, по талии. Моя рука странствовала по её прекрасному телу, по бархатной коже аж до средины бедра и медленно возвращалась, переходя на волосы. Я не знал, что ощущает Варя от поглаживаний моей загрубелой огромной ладони, но мне было невероятно хорошо и уютно от лежавшей возле меня великолепной, очаровательной женщины. Даже то, что в её пизденочке торчал мой хуй, отошло на задний план. И вдруг тело Варвары начали сотрясать рыдания. Она не просто плакала, а безутешно рыдала.

— Варенька, ты чего? Я что то не так сделал? — попытался повернуть её лицо к себе, но она упрямо отворачивалась. — Неужели... хнык, хнык, хнык... надо было стать стервой... хнык, хнык... и изменить мужу... хнык, хнык, хнык... чтобы получить райское наслаждение... хнык, хнык, хнык... и чтобы сердце замирало от ласк мужика?... хнык...

— Всё, всё, всё. Солнышко, не думай ни о чём и не терзай себя. Ты хорошая. Ты прекрасная

мама, и отличная жена. Да и вообще забудь обо всех проблемах! Не пристало такой красавице рыдать. Варя постепенно переставала хныкать, а её влагалище начало упражняться с моим членом. Вот так, не двигая попочкой, а лишь одними внутренними мышцами она творила чудеса. И я начал двигаться, толкая её в попочку. — Варенька, я уже не могу просто так лежать. Может давай сменим позу? — А давай! — она как девчонка резко подхватилась. Стала на локти и, широко расставив колени, выпятила свою белоснежную попочку. Вонзившись в желанный грот любви, я не стал как обычно руку совать между ножек на клитор, не стал ласкать сосочки. А принялся нежно гладить бархатную кожу ее спины, перебирать её волосы. Даже не стал долбить её как отбойным молотком. Просто стоял на коленях позади и ласкал спину и волосы, одними кончиками пальцев водил вдоль хребта касаясь её очаровательного тела как пёрышком. Остальное Варя сама всё делала. И толкала меня попочкой и крутила ею, и сжимала член, постанывая каждый раз, когда нанизывалась на него до предела. А когда кончала, то не просто кричала, а орала во всю. Представляю, что думали бы соседи, если бы это происходило не в сельском доме, а в квартире с тоненькими стенами и «хорошей» звукоизоляцией. А кончала она многократно. Вдруг у меня возникло ощущение, что на нас кто то смотрит. Поднял глаза повыше и мне показалось, что в зеркале напротив мелькнуло отражение внучки. Резко повернулся к двери, но никого не заметил. Галюники.

— Васенька, ты будешь возражать, если я тебя оседлаю? — Варюш, я только за!, — вынув член со смачным звуком «хлюп», я лег на спину. Варя, опустившись на член, легла на меня и принялась снова вытворять своей попочкой что то божественное, при этом целуя меня нежными короткими поцелуями. И в этой позе она успела несколько раз достичь великолепного оргазма прежде, чем моя сперма ворвалась внутрь её лона. Варя обессилено лежала на мне не в силах успокоить сбившееся дыхание. Да и я сопел как паровоз. Несмотря на то, что в комнате было намного прохладнее чем на улице, пот с нас стекал ручьями. Такого марафона я конечно не выдержал бы без того стимула, что был в рюмке. Неожиданно послышался металлический стук закрывающейся калитки. Скорости, с которой Варвара слетела с меня и оделась, могли бы позавидовать многие солдаты. Даже я от неё отстал. И когда в дом вошла Валюшка с Мариной, мы чинно сидели за столом напротив друг друга, и «невозмутимо» беседовали. Даже бутылки с закусем и стопок на столе не наблюдалось. — Ага, вот и вы. А я пришла убедиться, что с вами всё в порядке. — Что нам сделается? — Но все равно я должна вас осмотреть, — Варвара принялась осматривать девчонок. И всё это время с Валюшкиного лица не сходила ироничная ухмылка. Блин, неужели мне не показалось и, она нас видела? Нет. Если бы увидела, то они бы вместе наблюдали или могли даже скандал устроить. Варвара, так ничего плохого не обнаружив у девчонок, ушла. Заставил их покушать и, они снова убежали. Вечерняя дойка как всегда проводилась Мариной у меня на коленях. — Мариш, как вам сегодня отдыхалось? — спросил безразличным тоном у неё, тиская её сисечки. — Нормально. Только Валя, какая то странная сегодня была, — невозмутимо ответила Марина, на прекращая тискать Зорьку за дойки. — Странная? — Да. Мы сегодня вернулись домой и, я забежала в туалет, а она пошла в дом. Как только я направилась к дому, она выскочила и потянула меня за собой. Ей захотелось печенья купить в магазине. А когда пришли, то оказалось, что она деньги забыла. Но я не жалею. По деревне прошлись, а то я за всё время и деревни не видела.

Мдаа. Молодец Валюша. И я не жалею, что у меня внучка такая умничка. А у самого нахальная рука уже проникла Марине в трусики. — Не надо, — запротестовала Марина. —

Почему? Я же тебе разрешаю за свой брататься. — Не обижайтесь. Сегодня не надо. У меня еще месячные заканчиваются. Завтра можно будет. — Как скажешь, — я переместил руки на её сисечки.

Так и проходили дни без изменений. Кроме того конечно, что теперь на вечерней дойке Марина всегда кончала не столько от ласк своих сисечек, как от ласк клитора. Однажды, смачивая полусогнутый палец в ее щелочке, засунул его глубже чем обычно — Ооой! Больно! — — Извини, Мариш, нечаянно. Больше не буду. Больше я не пытался погружать палец глубоко.

В один из вечеров после вечернего тёплого душа девчонки наблюдали, как я вязал узлы, делая сетку для отпугивания пернатых. Попытались сами вязать, но узлы распускались и всё рассыпалось. Они психовали, а я посмеивался. — Деда почему у тебя получается, а у нас нет? — Вы не умеете вязать. — Умеем, — в один голос возразили девчонки. — Ну если умеете, то свяжите меня.

Я сел на скамейке, а они принялись вязать мне руки и ноги. Мне стоило огромного труда не рассмеяться от таких стараний. После того, как они навязали на мне множество узлов, я легко освободился. — Эх, детсад. А теперь я вас. Чтобы поразить их, я в мгновение ока, одной рукой Марине, другой — Валюшке, накинул удавки на руки. Дернув за удавки, посильнее затянул, и заодно повалил их. Так же быстро оказались связанными ноги девчонок. Потом сидел и посмеивался, наблюдая, как они тщетно пытаются освободиться. Марина молча каталась по траве, пытаясь освободить руку или ногу. А внучка со психами и угрозами, что она меня свяжет так, что я не смогу развязаться. Наконец я сжался над ними и очень просто и легко освободил их от удавок. — Вы нас научите? — Деда, действительно научи. — Зачем вам это? — Не знаю, может когда нибудь пригодится.

Долго я их пытался научить, но у них все никак не получалось. И снова Марина молча, упорно пыталась научиться. А Валюшка психовала от малейшей ошибки, и сворачивала свои неудачи на меня, что я неправильно объясняю. Конце концов и у меня терпение лопнуло. Хотя у них уже получалось почти без ошибок. Я гаркнул на девчат и, ушел в дом. Переоделся в спортивные и лег на кровать. Правда лег на кровать, на которой никто не спал. Она стояла просто так, жаль было выбрасывать. Металлическая, с панцирной сеткой. На ней с непривычки было неудобно спать. Задница оказывалась всегда ниже ног и головы. Зато детвора любила на ней попрыгать, как на батуте. Вскоре и девчонки зашли в дом. — Деда, мы еще на тебе потренируемся вязать. — Дело ваше, тренируйтесь. Я даже не стал смотреть, как они вяжут. Валюшка привязала мне руки к металлическому быльцу кровати, а Марина ноги. В общем распяли как Иисуса на кресте. — Деда, теперь ты не сможешь отвязаться. Я задергался, пытаясь освободиться. Но не тут то было. Сам же научил. — Всё. Сдаюсь. Отвязывайте.

Марина кинулась отвязывать, но Валюшка её остановила. — Стой. Не отвязывай. Он над нами издевался. Теперь мы над ним произдеваемся. — Ану быстро отвяжите меня! А то по задницам надаю! — Ха! Вот теперь и попробуй надавать! — Валь, а может давай отвяжем? Нельзя же так. — Не командуй! Мой дед, что хочу то и делаю. Я начал наезжать на внучку, угрожать. — Ах, так! Ты еще и ругаешься, — она нашла широкий скотч и как я не крутил головой все же заклеила мне рот, — а вот это чтобы и не подглядывал.

Где она только обнаружила шапочку. Натянула её мне на голову так, что и глаза оказались закрытыми. Моему возмущению не было предела. Но что я мог поделать? Распятый на

кровати как Иисус. С заклеенным ртом и шапочкой на глазах, из под которой я мог видеть только узенькую полосочку, и то если сильно скосить глаза. А девчонки вообще распоясались, точнее внучка. Марина я так понял, была в растерянности. Она ничего не могла поделать против Валюшки. Внучка предложила немного повеселиться, а то и побухать, ведь дед сейчас в их власти. У меня внутри всё сжалось. Сейчас они обнаружат в буфете бутылку с самогонкой, которую мы когда то с Варварой начали. Слышал, как хлопнула дверца буфета. Значит уже нашли. Звук тарелок. Блин, а они точно собираются побухать. Скрипнула входная дверь. Кто то из них вышел на улицу? Зачем? — Здрасте, — голос Снежаны. Только её здесь и не хватало для полного счастья. — Во, Снежана заходи, гостем будешь. А мы здесь решили немного потусить. Будешь? (вероятно показывали бутылку) — Если вы будете, то и я с вами за компанию. А Васильич где?

Меня как ледяной водой окатили. Если в деревне узнают, что я привязан девчонками, насмешек не избежать до самой смерти. — Поклянись, что никому не скажешь. — Клянусь. А что за тайна такая? — Смотри. Судя по звукам шагов, они подвели Снежану к кровати. На какое то время наступила такая тишина, что наверно и пролетающую муху было бы слышно. Потом раздался громкий, почти истерический смех Снежаны. Она долго не могла успокоиться. А потом уже сквозь смех спросила: — Девчонки, как же вам удалось такого бугая связать? Ну, вы крутые. И еще. Хоть это и не моё дело, но вы нехорошо поступаете. Сами решили побухать, а ему даже рот заклеили. Васильич любит выпить. Вы же его лишаете такого удовольствия. — Ха, так мы сейчас и ему дадим. Марина, подержи голову, чтобы не поперхнулся. Жалко. Все же родной дед.

Я не стал даже рыпаться. Все равно втроем они зальют. А так хоть не прольется мимо. Быстро расклеили рот, с бутылки влили, как им показалось достаточное количество и снова заклеили, не дав мне произнести ни звука. И после этого сели за стол. О чем говорили, я даже не прислушивался. Я был в бешенстве. Через некоторое время у меня начнется стояк. И что мне тогда делать, если заметят. Да и они будут возбуждены. Дело принимало неожиданный оборот, да и к тому же не из приятных. Вскоре громкость разговора намного повысилась. Говорили о ребятах. И Снежана вставила свое слово: — Эх, если бы вы знали, как я сейчас хочу чтобы меня кто то оттрахал. И капитально оттрахал!

— Хм, а я никак не пойму, что у меня за томление внизу живота. И девки не поверите. У меня трусики намокли, будто я описалась, — подала голос внучка. — У меня тоже, — отзвалась Марина. — Мы сами виноваты. Надо было не трепаться о тех козлах ебучих. — Посмотрите! — подала голос внучка, вероятно показывая в мою сторону. — Вот, я дура! Как же я забыла о Васильиче? Ух ты! Какой шатер! Валя, надеюсь ты не будешь возражать, если я потрахаюсь с твоим дедом? — Да, пожалуйста. Хоть сто порций. Но одно условие. Чтобы я все посмотрела в подробностях. Может и сама попробую. — И я, — несмело, проронила Марина. — Мне пофиг. Когда мне хочется потрахаться, то плевать, смотрит на это кто то или нет. Господи! Только не это. Что же творится? Я как секс машина или кукла для обучения сексу. Ну нельзя же так. Я попытался возмутиться, почувствовав, как с меня пытаются стянуть штаны вместе с трусами. Но сквозь скотч я смог лишь промыть что то нечленораздельное. — Ого! — восхищенно произнесла внучка, как только член, выпущенный на свободу, закачался перед глазами девчат. — Ты что живого хуя не видела? — Нет. Только в интернете на порно сайтах. — Так может ты еще и целка? — насмешливо спросила Снежана. Послышался шорох снимаемой одежды, — а вы чего раздеваетесь? Или тоже хотите? Но тебе Валька все равно нельзя.

— Это почему же? — возмутилась внучка. — Ну, во первых ты еще целочка, — в голосе Снежаны звучала не просто насмешка, а явное пренебрежение, — во вторых это же твой родной дед. — Если тебе что то не нравится, то иди и ищи на чай бы хрен насадиться, — со злостью парировала Валюшка. — Извини, я не хотела тебя обидеть. Здесь ты командуешь парадом. Так что? Мне одеваться? Или на Васильича можно залезать? — Ладно. Продолжай. Сетка сильно прогнулась, сложив меня почти под прямым углом (Снежана стала ногой на сетку рядом со мной). Я пытался что то высмотреть в узенькую щель из под шапочки.

Ругаться или сопротивляться было бессмысленно. Вот она поставила и вторую, загорелую до черноты ногу. Когда Снежана присела и начала водить головкой по щели, то мне все равно не удалось почти ничего увидеть. Густая светлая шерстка (хотя и коротенькая, вероятно подстригала) не давала возможности что либо увидеть. Холодная головка члена скользила между горячими и влажными губками. И вот член начал погружаться в эту влажную и горячую глубину. Мне было видно всё меньше и меньше члена. Наконец наши лобки соприкоснулись.

Меня как током шибануло. Ощущения были точно такими, как будто мой член вошел в Настю. Ну, блин и везет! Как утопленнику! Снежана начала неспешные движения, а я с двух сторон слышал шумное возбужденное дыхание. Вероятно Марина с Валюшкой смотрели на это впервые и возбуждались не на шутку от вида, как член то появляется, то скрывается внутри Снежаны. А она прекрасно знала свое дело. Я с огромным трудом пытался сдерживаться, чтобы не подмахивать и не вонзать член резко и до самого конца. Вскоре Снежана начала кончать. И кончала она точно также как Настёна. Со стоном выгнувшись, и с сильными сжимающими конвульсиями влагалища. После оргазма она балдея замерла на хю. — Снежана, и я хочу, — одновременно, не сговариваясь произнесли Марина с Валюшкой. — Да, пожалуйста, — Снежана поднялась, а мокрый и скользкий член выскользнул из горячей пизденочки и закачался. Она отступила к ногам, а кто то из девчонок начал моститься на её место.

Только бы не Валюшка! Только бы не она! Стучало молоточками в мозгу. Хотя ясно понимал, что все равно не избежать этого, и внучка все же нанижет свою писюху на мой член. Вот девочка присела и, я увидел узенькую ниточку выбритой щелки. Но кто же это? Марина или внучка? Наощупь то я уже знал Марину, а рассматривать не довелось. Вот нежная девичья ручка взялась за скользкий член, а коленки почти сдвинулись, закрыв при этом весь обзор. — Раздвинь коленки, не видно ничего — послышался голос Марины. Значит там внучка. Я буквально вжался задницей в сетку, пытаясь отодвинуться и не понимая, что это невозможно. Головка мягко заскользила между влажными, возбужденными губками.

— Направила? — послышался голос Снежаны. — Угу. — А теперь потерпи, будет немного больно. — Аааай, ай, ай!!! Пусти!! Больно!!! По видимому Снежана резко надавила Валюшке на плечи. Ибо мне было видно, как резко внучка опустилась вниз. Головка члена вошла в её узенькую щелочку. А дальше довольно легко прорвав преграду, член с трудом вошел до половины, вызвав истошные крики Валюшки. После второго толчка Снежаны, бритая писюха внучки все же коснулась моего лобка. Члену было очень тесно в ней. Даже через чур тесно. — Начинай двигаться. Задницу поднимай и опускай. — ООЙ!!! Больно, — внучка дернулась, пытаясь подняться и снова села. — Фигня. Боль от твоей целочки уже должна уйти. — Когда не двигаюсь, то уже почти не больно. А как только шевельнусь, то сильная боль пронизывает. Кажется, что меня разрывают. Внутри все растянуто до боли. — Тогда слазь и не мучайся, —

вероятно Снежана подняла Валюшку, потому что та застонала от боли и поднялась. Мне было видно лишь член в кровавых разводах. Бедная Валюшка, как мне её жаль.

— Теперь моя очередь, — послышался голос Марины. Вот глупенькие, они еще и очередь из этого создали. Валюшка слезла с кровати, а Марина стала на её место. Судя по тому, как сильно была прогнута сетка кровати, то Снежана все еще оставалась стоять у меня в ногах. Я пытался хоть что то рассмотреть сквозь узенькую щель. Марина присела и, я увидел возле члена её бритую писюху. Внешне она немного отличалась от Валюшкиной. У Марины, как солдатик торчал наружу небольшой клитор, а у внучки его не было видно. Вот Марина взялась за член, провела головкой между губками и убрала руку. — Готова, — послышался ее тихий голосок, в котором сквозил страх. Снежана подпрыгнула на кровати, как на батуте. При этом вероятно еще и придерживала Марину за плечи, не позволяя ей приподняться.

Панцирная сетка сильно прогнулась, потом резко пошла вверх, а тело Марины осталось в том же положении. Головка члена расплющилась, но так и не прорвала целочки. Лишь после второго толчка плева разорвалась, больно резанув по уздечке, и пропустив настойчивого гостя внутрь. Марина за это время не издала ни звука. С каждым толчком член погружался все глубже внутрь девственного лона. Хотя теперь уже не девственного. Когда уже почти весь член вошел в Марину, я почувствовал, что дальше пути нет. Он достиг дна этого грота сладострастия. Но Снежана продолжала подпрыгивать. И следующим толчком (еще и усиленным тем, что я двинул своим тазом вверх) член упёрся головкой так, что даже кажется немного изогнулся.

— Оооой! Больно!!! — послышался плач Марины. — Ну что вы такие неженки? Не можете вытерпеть небольшую боль, когда целка рвётся. — Я... хнык, хнык... вытерпела... хнык, хнык... мне очень больно... хнык... когда глубоко, — при этом Марина сумела немного приподняться, стараясь избежать глубокого погружения. — Тогда ложись, — приказала Снежана, и Марина буквально упала на меня, перекрыв собой обзор. Теперь мне вообще ничего не было видно. Только чувствовал, как движется член внутри плотного Марининого влагалища, да трётся об её клитор. Она в таком положении не плакала, а наоборот начала постанывать от новых неизведанных ощущений. — А кровищи! Как с кабана! Валь принеси полотенце побольше. А то сейчас вся кровать будет в крови от ваших целочек. — Это Марина сильно кровит, — возразила внучка уже на бегу. Принесла полотенце и, не сгоняя Марины, кто то из них вытер сзади Марину, легонько протерли мои яйца (больше всего, что это делала Снежана). Потом приподняли мою задницу и подложили снизу большое махровое полотенце. После этого Снежана продолжила прыгать, под эти толчки сетки и я подстроился вонзать член в податливое влагалище Марины. Уже почувствовал, как приближается развязка. Еще несколько таких резких погружений и я выстрелю внутрь Марины.

— Марина, дай я еще попробую. Может не будет так больно. Блин, еще немного. Хотя бы чуть чуть Марина задержалась на мне. Но она послушно встала и слезла с кровати. Меня снова охватила паника. Если внучка сейчас нанижется своей тугой пизденочкой на мой член, то однозначно моя сперма наполнит Валюшку. Я попытался возмутиться и хоть что то сказать. Но лишь мычал сквозь скотч. Девчонки не обратили на мое мычание и дергания ни малейшего внимания. Внучка залезла на кровать, присела и, растянув губки, начала опускаться на окровавленный член. Головка легко проникла между губками, с трудом протискиваясь в узенькое влагалище. Когда девочка полностью насадилась на член, то убрала ручки и сидела замерев в такой позе. — Валь, на хую надо двигаться, а не быть бревном. С

трудом сдерживая стон от боли, Валюшка начала подниматься и опускаться на члене. По видимому, она изо всех сил пыталась сдержаться, чтобы не кричать. И тут Снежана снова начала прыгать. Член начал резко вонзаться в узеньку щель. Валюшка лишь негромко постонала. А вот я не выдержал движения в этом узеньком и очень тугом влагалище. Фонтан спермы ворвался внутрь внучки. И хотя как мне показалось, что член увеличился, естественно ей должно быть больнее. На самом деле сперма сыграла роль не только дополнительной смазки, но и как обезболивающее. — Как классно! Вот это кайф!, — внучка сидела, плотно насадившись на член. Даже Снежана замерла, перестала прыгать.

— Валь, а ну встань. Или мне показалось, или точно. Внучка нехотя поднялась и слезла с кровати. — Что там такое? — Мне показалось наверно. Из за крови фиг разберешь. Хотя по идеи сейчас член должен упасть, а он стоит, как у волка на морозе. Ладно, девки, тогда я продолжу, — и она опустилась своей пизденочкой на член, так и не поняв, что я кончил в родную внучку. Мдаа. Трахаться со Снежаной одно удовольствие. Она прекрасно чувствует партнера, да и двигается классно. Как то вроде бы и ненавязчиво и в то же время наслаждение великолепное. Но после того, как она кончила, её снова сменила Валюшка, потом Марина, снова Валюшка (ни внучка, ни Марина долго не могли продержаться). И снова член оказался в щелке Снежаны. Но и ко мне начал приближаться оргазм. Я попытался предупредить. Промычал нечленораздельно через скотч и покрутил задницей. Снежана это восприняла как руководство к более активным действиям и увеличила темп. Вскоре мощная струя спермы наполнила Снежану. После нескольких движений со спермой внутри Снежана замерла.

— Васильич! Хрен ты моржовый! Ты кончил в меня?! — она сорвала скотч. — Вы же бляди заклеили мне рот! Как я мог предупредить? — Ну извини Васильич. Я в этом не участвовала. Скажи спасибо своей внучке. Хотя так приятно ощущать, когда тебя накачали спермой по самые края. — Беги быстрее в ванную, может получится вымыть. Там и спринцовка есть. — Да не дрейфь, Васильич. Во первых мне не хочется слазить. Жаба давит. Ведь вытечет же. А во вторых мало вероятно, что подзлечу. На днях должны месячные начаться. Девки! Моё это дело или не моё, но раз участвовала, то и моё тоже. То, что мы здесь устроили групповуху никому ни слова! Поняли?! — Да. — Ага.

— Мне лично наплевать, что обо мне трепаются по деревне. Но Валь, дед твой не заслужил, чтобы о нем судачили. То что ты сломала свою целочку на хую собственного деда — это твоё личное решение, но это инцест, а такое не приветствуется нигде: ни у нас в деревне, ни у вас в городе. Я то буду молчать. Конечно еще и надеюсь, что Васильич не будет на меня обижаться и когданибудь еще мне доставит наслаждение. Девчонки, и вы тоже на меня зла не держите. Но сейчас мой вам совет: отвязите вы его (все же хозяин дома) и попросите у него прощения, — всю эту тираду Снежана выдала, потихоньку покачиваясь на опадающем хую. Потом медленно привсталла, с огромным сожалением посмотрела себе между ног и, зажав рукой свою щелочку, слезла с кровати и потопала в ванную. А девчонки с двух сторон припали ко мне. — Простите меня. — Деда, накажи, но только не сердись. — Вы меня отвязывать собираетесь?! Они начали лихорадочно развязывать узлы. Но у них ничего не получалось. Узлы сильно затянулись и, силёнок у девчат не хватало, чтобы развязать. — Валюш, возьми нож на кухне и разрежьте вы эти чертовы верёвки. Пока они возились с верёвками, Снежана уже оделась.

— Алё, гараж! — мы устремили взгляды на нее, — спасибо за прекрасный кайф. Я пошла, а вы

девки держите язык за зубами. ЧАО. — До свиданья. — Пока. — Бывай Снежана. Я очень благодарен тебе. — К сожалению твоя благодарность вся вытекла. Придется снова заливать. — Снова ты о сексе. — А что поделать? На нем построен мир, — проронила она, закрывая за собой дверь. Я сидел на кровати с полуспущенными спортивными, по сторонам прижались ко мне два юных тельца. — Деда мы готовы. — К чему? — К наказанию. Будешь бить? — Девочки, девочки, что же вы наделали? Глупенькие. Вы же сами себя наказали. — МЫ?!!! — в один голос воскликнули девчонки.

— Конечно. Вы уже наказали себя тем, что лишились своих целочек. Да еще и так глупо — в групповухе. Я понимаю, что в 18 лет играют гормоны, но нельзя же так. Надо было вам это делать не при всех и не со старым трухлявым пнем (да еще и с собственным дедом), а без присутствия посторонних и с кем то из своих ровесников. — Деда, ты абсолютно не прав. Вот ты мне скажи, ты хотел бы, чтобы я отдалась своему парню, а на следующий день он оттрахал бы меня со своими друзьями? Потому что о том, что я ему отдалась, он не только рассказал всем своим друзьям и знакомым, но и выложил у фейсбуке инфу о том какая я блядь, давалка и проститутка. — Ни в коем случае внученька! Это же подло! А что такое фесбуке? — Потом узнаешь, что такое фейсбук. Но с моей подругой её парень поступил точно так и теперь она блядь на всю округу. Такого ты мне желаешь? Или Маринке? — Господи! Ни за что!

— Ну вот. Значит то, что мы лишились своих целок на твоём... эээ... члене, это самый лучший вариант. Это даже лучше, чем мы их бы порвали огурцами (из за отсутствия вибраторов). Как ты сказал, гормоны играют и, трахаться хочется до коликов в животе. — Вы что правда хотели засунуть в свои писюхи по огурцу? — я с сомнением посмотрел на Марину, она смущенно опустила свои глазки. — Деда, не смотри ты так на Маринку. Это была моя идея, а Маринка не соглашалась. Учитывая, что твой член целки наши порвал и в каждой из нас побывал уже несколько раз, значит и дальше будешь нас трахать. Теперь уже без разницы сколько раз это было: раз, три раза или тридцать три. — Нет, нет, нет. Нельзя. Ты же моя родная. — Ну, хорошо хоть Маринку не отказываешься трахать. Жаль, что меня не хочешь. Придется трахать себя огурцом. — Валюш, ты с ума сошла! — А что мне остаётся делать? Ты отказываешься, а гормоны играют. Было бы превосходно, если бы не ломался, но придется довольствоваться огурцами. — Ну что мне делать с такой упрямщицей? — Ебать меня деда надо. Тебе ебать! И чем больше, тем лучше. — Ладно вредины! Я подумаю. — УРА!!! — закричали одновременно девчонки и с двух сторон обняли меня за шею.

— Деда, есть щекотливый вопрос, объясни ни разу не грамотным. Боль от разрыва плевы не в счёт. Но почему мне было больно от того что меня твой член буквально распирал внутри, а Маринке от этого не больно. А больно ей от того, что твой член глубоко в ней влезил, а мне до конца и не больно. — Я разрыв плевы вытерпела, — перебила её Марина, — но когда у меня в животе, после того как он влез очень глубоко, началась адская боль, то я не вытерпела. — Валюш, неужели ты не в курсе, что бывают разные размеры не только членов, но и женских влагалищ. — Ты хочешь сказать, что моя пизда маленькая? — Тебе не идет материться, как сапожник. Ну и кроме того вашим маленьким пиздёночкам ещё очень далеко до тех размеров, когда их можно назвать пиздой. А конкретно так: у Маринки влагалище нормальное и тугое, но очень короткое. Поэтому, даже моего среднего размера ей более чем достаточно, чтобы достать до самого дна. У тебя Валюша, оно длиннее (как раз на длину моего члена). Но оно очень очень узкое (иногда о такой пизденочке говорят мышиный глаз). Поэтому для тебя было бы лучше, если бы мой член был потоньше.

— Значит будет больно всегда? — Нет конечно. Если и дальше продолжать, то оно вскоре адаптируется и боли не будет. А то что тugo, так это вообще идеально, наслаждение сильнее. — Отлично. Деда, тогда давай продолжим. — Стоп, стоп, стоп. Во первых я лишь сказал, что подумаю. А во вторых ваши бедные пизденочки сейчас порваны. И сейчас продолжить, это все равно, что ковыряться в открытой незажившей ране. Надо хотя бы несколько дней, чтобы у вас внутри все более — менее зажило. — Несколько дней я не вытерплю, да и времени осталось не так уж много до нашего отъезда. Не позже, чем послезавтра я должна почувствовать в себе или твой член, или огурец. — Шантажистка. Всё. Девчонки идем в душ и спать. — Деда, но теперь мы спать будем с только тобой. И ходить дома будем лишь юбочках и без трусиков. Чтобы ты мог в любой момент без малейших помех натянуть любую из нас на свой член. После душа девчонки легли спать голышом. Марина с одной стороны, Валюшка с другой. И сразу же отключились, а я всё не мог уснуть. Ворочался и думал, почему я постоянно попадаю в такие житейские переплёты.

Девчонки снова проспали до обеда, по быстрому перекусили и слянили на речку. Марина на вечернюю дойку не опоздала, даже пришла раньше, чем обычно и терпеливо ожидала, пока я вычищу навоз. Необычно лишь то, что Марина была не в шортиках, а в коротенькой юбочке. А от того, что на ней не было трусиков (согласно договора Валюшки), член наполовину приподнялся, немного оттопырив штанину. Хотя дальше все равно будет как обычно: Марина своей попочкой прижмет его к ноге и будет через брюки елозить по нему, пока не закончит дойку. Я сел на стульчик возле Зорьки и взял ведро для молока. Марина протиснулась между мной и Зорькой и начала приседать. Но не села полностью, как всегда, а просунула свою ручку вниз, забралась, ко мне в трусы и достала член на свет божий. Потом присев еще немного, поводила головкой по своей щёлке и начала приседать, погружая его в себя. И хотя она уже была влажная, но все равно ей пришлось несколько раз поправлять губки, чтобы они не заворачивались внутрь.

— Ну вот наконец то я не просто сижу на нем. А он сидит во мне. Господи, и почему я была такой дурой? — Мариш, ты о чём? — Да надо мне было в самый первый раз так сесть. А я дурочка то стеснялась, то боялась. Столько наслаждения потеряно! Ведь такое приятное ощущение, когда он торчит во мне! — Это всё хорошо. А Зорьку мы доить сегодня будем? — Обязательно, — Марина положила одну мою руку себе на сисечку, вторую между ножек и принялась невозмутимо (или возможно лишь внешне невозмутимо) доить Зорьку, ёрзая потихоньку на хую. На этот раз она кончила быстрее обычного. Пока закончила доить, еще раз затрепетала, а влагалище попыталось сдоить меня. По окончанию, она хотела подроочить меня, чтобы кончил. Но я отказался, мотивируя тем, что сегодня члену еще придется трудиться в кровати. — Ура! — Марина поцеловала меня и радостная убежала.